УДК 94(47)047
ББК 63.3(2)46

РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ШЕРТЬ 1657 г.

В. Т. Тепкеев

В истории русско-калмыцких отношений в XVII столетии одной из важных политических дат является 1657 год. В условиях продолжавшейся Русско-польской войны 1654–1667 гг. в этот период происходили события, оказавшие влияние на русско-калмыцкие отношения. После заключения шертей в 1655 и 1656 гг. калмыкам были предоставлены определенная территория для кочевок и возможность беспошлинно торговать в волжских городах. Со своей стороны, тайши обязывались быть у русского царя «в вечном послушании», не ссылаться «с государевыми непослушники и изменники», не брать в плен царских подданных, не нападать на их промыслы и учуги. Они должны были по распоряжению русского правительства посылать свои войска, куда будет приказано, и биться с врагами, «не щадя голов своих» [Преображенская 1960: 64]. Однако в дальнейшем царское правительство было не вполне удовлетворено заключенными соглашениями.

Судя по русским источникам, после принятия на себя определенных политических обязательств в 1655 и 1656 гг. из-за продолжавшихся набегов башкир и саратовцев на пограничные калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 147] калмыки не смогли достаточно активно участвовать в военной кампании России против Крыма и Речи Посполитой. В такой обстановке в связи с известиями о прибытии в калмыцкие улусы персидских и крымских послов с письменными посланиями от своих правителей[1] русско-калмыцкие переговоры были возобновлены.

В ходе подготовки подписания шерти воевода Василий Ромодановский предъявил тайшам два главных требования: выдача аманатов в Астрахань и принесение шерти лично тайшами. В этом случае калмыкам были обещаны безопасность кочевий и свободная торговля. В. Ромодановский делал упор на те условия договора, которые не были включены в предыдущие шерти, несмотря на старания астраханских воевод.

Как правило, в подобной ситуации, когда стороны не могут прийти к взаимному соглашению, большую роль играет посредническая деятельность лиц, способных нейтрализовать острые противоречия договаривающихся сторон. В данном переговорном процессе в роли посредника выступил едисанский мирза Сююнча Абдулов, пользовавшийся доверием Дайчина. Именно он по просьбе В. Ромодановского «наговорил» приближенным людям Дайчина оказать давление на тайшу, чтобы тот согласился с требованиями воеводы. После достаточно сложных предварительных обсуждений тайши согласились дать шерть на условиях, выдвинутых В. Ромодановским. При этом о своем окончательном согласии дать аманатов Дайчин объявил через посланца в Астрахани буквально за день до шертования, т. е. 29 марта. Все это стало результатом настойчивости, проявленной воеводой. 30 марта в устье реки Кутум под Астраханью состоялся русско-калмыцкий съезд. С астраханской стороны приняли участие стрелецкий голова Алексей Дернов и участвовавший в подготовительной работе татарин Эшей Кашкарин. С калмыцкой стороны прибыли в сопровождении 1,5 тыс. человек тайши Мончак и Манжи-Ялбо, лично подписавшиеся под шертью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 28; Преображенская 1960: 66–67]. Полный текст шерти 1657 г. приводим ниже:

Даем шерть великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Великия, и Малыя, и Белыя России, самодержцу и обладателю, и ево государеву

[1] Например, осенью 1656 г. из Крыма к тайшам прибыли четверо послов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 141, 143, 152–153].

сыну, государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу Всеа Великия и Малыя, и Белыя России, и иным ево государским детям, которых впредь ему государю Бог даст, мы, калмыцкие тайши, я, Мончак тайша, за себя и за отца своего, Дайчина тайшу Урлюкова, да я Манжик тайша, Даян-Эрки тайши сын, за себя и за деда своего родного, Дайчина тайшу, и за дядей, и за братью свою, и за детей, и за племянников, и за всех улусных наших калмыцких людей шертуем по своей калмыцкой вере, даем шерть, поклоняяся Богом своим, и целуем Бога своего Бурхана, и молитвенную книгу бичик, и чотки на том, что Дайчину тайше и нам, Мончаку и Манжику тайшам, з братею своею и з детьми, и племянники, и улусным нашим калмыцким людем быти у великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержца в вечном подданстве и в послушанье. И добра ему, великому государю, и его государевым людем хотети в правду безо всякие шатости и хитрости. И с его государевыми непослушниками и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатися и за них не стоять. И государевых русских людей, и вечных холопей нагайских, и едисанских, и юртовских татар в улусех, и на проездех, и на промыслех нигде не побивать и в полон не имать, и не грабить, и от прежних от всех неправд отстать.

И давать нам в государеву отчину, в Астарахань, для большого утвержденья и крепости аманатов от родства и поколенья своего из двоюродных своих братей и ис племянников калмыцкого тайшу доброго, да с ним родственных черных людей добрых же. И тем вашим калмыцким аманатом быти в государеве отчине, в Астарахани, по государеву указу. И впредь нам аманаты давать по переменам против того ж.

И к государеве отчине к Астрахани, и на иные государевы украинные городы, и на уезды, и на государевы людей, которые бывают в посылках и на проездех, и на промыслех, и в проездех, и на нагайские, и на юртовские улусы, и на конные и животиные отары войною Дайчину тайше, и нам, и братье нашей, и племянником, и всем улусным нашим людем, самим нам, тайшам Манчаку и Манжику, не приходить и братей своей, и детем, и племянником, и улусных калмыцких людей, и государевых изменников мурзы и татар никово не посылать. И государевых городов, и сел, и деревень, и учюгов не жечь и людей не побивать и в полон не имать, и не грабить, и никакова зла не делать и не мыслить по сей шерти и утвержденью.

А где государь укажет быть нам, калмыцким тайшам и улусным нашим людем, калмыком на своей государеве службе с своими государевыми ратными людьми вместе, и нам, Мончаку и Манжику, и брате, и детем, и племянником, и улусным нашим людем, з государевыми изменники и с непослушники бится до смерти, не щадя голов своих. А великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу, и его царскому величеству, не изменять и его государевых людей не [на]подать и хитрости над ними нам, Тайшам, и брате и детем, и племянником нашим, и улусным нашим калмыком в ссылке и в соединенье не быть.

А государевых людей, русской и татарской полон, и их животы которых в прошлых годех взяли мы калмыцкие люди и с изменники татарове под Астараханью, и под Терком, и под иными государевыми городами, собрав, всех отдать в государеву отчину в Астарахань. И государевых изменников нагайских, и едисанских, и енбулуцких мурз и татар, которые в прошлех годех, изменя государю, и из под его государевы отчины, ис под Астарахани, отошли к нам, тайшам, в калмыцкие улусы, которые из них похотят собою идти в Астарахань, и Дайчину тайше, и нам тайшам, и братье нашим, и детем, и племянником, и улусным нашим людем в неволе их у себя не держать, и не грабить, и отпущать в Астарахань совсем безо всякого задержанья. И впредь к себе в улусы государевых вечных холопей нагайских, и едисанских, и юртовских мурз и татар от государевы отчины от Астарахани и от иных ево государевых городов не призывать; а будет кто собой придет, и их не принимать и отсылать их в Астарахань. И государевых людей, русских и татар полоняников, присылать нам из улусов своих всех в Астарахань.

А которых посыльщиков по государеву указу из государевы отчины из Астарахани и из иных государевых городов бояря и воеводы учнут посылать для государевых всяких дел в калмыцкие улусы к нам, Дайчину и к Мончаку, и к Манжику тайшам, и к детем, и к брате, и к племянником, и к улус-

ным нашим людем, тем присыльщиком безвестья никакова не делать и не бить их, и не бранить, и тесноты им у себя не чинить, и отпущать их безо всякого задержанья.

А как государь, царь и великий князь Алексей Михайлович Всеа Великия, и Малыя, и Белыя России, самодержец и сын ево государев государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич Всеа Великия, и Малыя, и Белыя России укажешь нам, тайшам Дайчину, и Мончаку, и Манжику, и улусным нашим людем идти с своими государевыми ратными людьми на Крым или где его государево повеленье будет, и нам всем тайшам, и улусным нашим калмыком на Крым или где государь укажет идти безо всякого мотчанья. А как з государевыми ратными людьми на их государеву службу на Крым пойдем или на иные государевы недруги и нам, Мончаку и Манжику тайшам, и улусным нашим людем для уверенья и правды в государеву отчину в Астарахань дать аманатов прибавочных добрых из братии своей, и с племянников, и из родственных лутчих людей.

Яз, Мончак тайша Дайчинов, да Яз, Манжик тайша Даян-Эркин, шертуем великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу и многих государств государю, и обладателю, Его Царскому Величеству и сыну иво государеву Государю благоверному царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу Всеа Великия, и Малыя, и Белыя России и иным его государевым детем, которых ему, Государю, впредь Бог даст, и даем шерть за отца своего Дайчина Тайшу, и за себя, и за братю, и за детей, и за племянников наших, и за всех улусных людей калмык на том на всем, как все шертовальной записи написано. А будет мы, тайши, и наши все улусные люди не учнем так делать, как в сей шертовальной записи написано, и шерть свою и утверженье чем нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детех, и на улусных людех буди Божий гнев и огненный меч, и будем мы прокляты всем веде и в будущем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 12–18].

При сравнении текста шерти 1657 г. с предыдущими устными и письменными шертями обнаруживается несколько существенных отличий.

Во-первых, в отличие от предыдущих договоренностей, например, от шерти 1655 г., где имела место не совсем определенная формулировка отношений «быть в вечном послушании», базировавшаяся на принципах вассалитета, новая шертная запись конкретно определила «быть в вечном подданстве и послушании».

Во-вторых, новым пунктом стало обязательство предоставлять аманатов из числа родственников, ближайших к правившей в то время семье Дайчина и Мончака.

В-третьих, впервые калмыки обязывались не иметь никаких отношений с враждебными России государствами — Османской империей и Крымским ханством. Последнее обязательство, как считает П. С. Преображенская, нельзя рассматривать в качестве попытки правительства ограничить свободу внешних сношений калмыков [Преображенская 1960: 69]. Договор только фиксировал принцип: «враг моего союзника — мой враг», — и это никак не распространялось на другие государства, находившиеся в мирных отношениях с Россией и калмыками [Тепкеев 2012: 250].

Вместе с тем, как свидетельствуют русские документы, в калмыцкие улусы все же продолжали беспрепятственно приезжать многочисленные крымские посольства, что не мешало тайшам оставаться верными русско-калмыцким договоренностям. По мнению М. Ходарковского, стороны по-разному интерпретировали заключенные соглашения [Khodarkovsky 1992: 92]. Содержание русско-калмыцких переговоров, предшествовавших подписанию шерти 1657 г., свидетельствует о том, что калмыки эту присягу рассматривали как соглашение между двумя военными союзниками. В. В. Трепавлов приходит к выводу о том, что подобный вид документа можно рассматривать как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений, на период действия которого младший партнер как бы переходил под покровительство российского монарха, но не включался в число его подданных [Трепавлов 2007: 137].

В качестве аманата Мончак и Манжи-Ялбо отправили тайшу Кулачи (сына Биликты, шурина Мончака), чей улус насчитывал 400 человек. С Кулачи в аманаты поехали и двое его родственников «кереитского родства» — Булат Когуржанов и Эргель Мубулов. В Астрахани калмыцким аманатам была устроена торжественная встреча «по посольскому обычаю». Воеводы поселили калмыков не на Аманатном

дворе, где содержались другие мирзы-заложники, а на отдельном дворе, тем самым подчеркивая особенность данного события [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 5–7, 20]. 1 апреля Кулачи был принят астраханскими воеводами в Приказной палате. Астраханцы расспросили тайшу о здоровье, а затем привели его к шерти. Приехавших в Астрахань калмыцких послов отправили в Москву [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 9–10].

Калмыцкой стороне был передан удерживавшийся в Астрахани калмыцкий ясырь и выдано жалованье для тайшей. Дайчину отправили соболью шубу, украшенную серебром и жемчугами, стоимостью 60 руб., а также меховую шапку из горностая стоимостью 20 руб. Мончаку была передана соболья шуба (55 руб.) и шапка (21 руб.). Московские власти перешли к более весомому размеру материального стимулирования калмыков. Теперь они стали получать из казны ежегодное жалованье в размере 810 руб. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 7–8, 21]. В марте этого же года в районе Красного Яра по просьбе Дайчина дали шерть его родственники и приближенные люди [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 90, 94].

Дайчин остался доволен заключенным соглашением и отправил в Москву своих послов — Кучюка Нарушаева, Элакая Эшбердеева (оба из рода *кереит*) и ногайца Бекбаши (представителя С. Абдулова). 16 июня калмыцкие послы прибыли в Москву. 23 июня они были приняты царем. Дайчин через послов сообщил царю о шерти, заключенной его сыном и внуком под Астраханью, и на этом основании просил разрешения для калмыцких улусов кочевать летом по берегам Волги и предоставить возможность свободной торговли в приволжских городах. Тайши выразили готовность совместно участвовать с русскими в войне против Крыма [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 13, 42–44, 61, 103].

П. С. Преображенская обращает внимание на тот факт, что в письме к царю за 1657 г. Дайчин именует себя «холопом», чего ранее за ним не наблюдалось. Основываясь на этом, исследовательница делает вывод, что именно 1657 год можно рассматривать как рубежный в завершении процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 119]. По мнению К. Н. Максимова, принцип «государь — холоп» характеризовал саму суть самодержавной политики, и с появлением подобной официальной формулировки определился новый рубеж в отношениях России с калмыками — добровольное государственное подданство без приобретения населением, так сказать, гражданства [Максимов 2002: 62–63]. Можно предположить, что произошло принятие калмыками российского подданства, но без вступления в состав государства[2].

Формулировки «холопство» и «подданство» в некоторой степени требуют уточнения. Мы не знаем, насколько точен был русский перевод письма Дайчина 1657 г., на который ссылаются П. С. Преображенская и М. Л. Кичиков [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 119; Кичиков 1966: 102], но в нашем распоряжении имеются полные тексты русских переводов аналогичных писем Дайчина за 1658 и 1661 гг. (а также подлинники на старописьменном монгольском и татарском языках), где отсутствуют такие термины, как «холоп» или «холопство» [Тепкеев 2012: 268, 270, 292–297]. Более того, в самом тексте шерти 1657 г. не используются подобные формулировки.

Калмыцким послам в Москве оказали радушный прием и этим же летом по царскому указу тайшам отправили жалованье: шубы, однорядки, меховые шапки и сукно. Царь также приказал вернуть хранившиеся в Астрахани останки Хо-Урлюка, Кирсана и Церена, покрыв их красным сукном. Из Москвы к местным воеводам пришел строгий указ о наказании всех тех, кто нападает на калмыков без государева ведома [РГАДА.

[2] В. В. Трепавлов применительно к XVI–XVIII вв. определил четыре признака принадлежности региона (народа) государству: (1) включенность территории (народа) в высшую государственную символику; (2) налогообложение в пользу единого государства; (3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; (4) принадлежность его к одному из административных подразделений государства. Вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев [Трепавлов 2007: 134].

Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 65–66, 83–84, 116].

Вместе с тем, реализация нового соглашения происходила со сложностями. Так, в последующие годы выплаты жалования приостанавливались, продолжались набеги башкир и казаков на калмыцкие улусы. Все это не могло не разочаровывать тайшей в политике российских союзников, в то время как крымские посольства делали все более заманчивые предложения [Khodarkovsky 1992: 94].

Несмотря на это, калмыцкие тайши продолжали курс на укрепление союза с Россией. В этот период царским правительством решался территориальный вопрос для калмыцкого народа, определялись постоянные территории калмыцких кочевий в пределах Северного Прикаспия, шел процесс становления Калмыцкого ханства.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 152 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Sources

[The Russian State Archives of Ancient Acts]. (In Russ.)

References

Batmaev M. M. [The Social-political System and Economy of Kalmyks in XVII–XVIII cent.]. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)

[Essays on the History of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. The Period before October]. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. New York: Ithaca, 1992. 280 p. (In Eng.)

Kichikov M. L. [Historical Roots of Friendship between Russian and Kalmyk peoples. Formation of the Kalmyk State within Russia]. Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 152 p. (In Russ.)

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. Вып. 1. С. 49–83.

Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 376 с.

*Трепавлов В. В. «*Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, N.Y., 1992. 280 p.

Maksimov K. N. [Kalmykia in National Policy, System of Power and Management of Russia (XVII–XX cent.)]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

Preobrazhenskaya P. S. [From the History of Russian-Kalmyk Relations in the 50-60s of the 18th century]. In: [Bulletin of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History]. Iss. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1960. Pp. 49–83. (In Russ.)

Tepkeev V. T. [Kalmyks in the North Caspian Sea Region in the Second Third of the XVII Century]. Elista: Dzhangar, 2012. 376 p. (In Russ.)

Trepavlov V. V. [“White Tsar”: the Image of the Monarch and the Idea of Citizenship among the Peoples of Russia XV–XVIII cent.]. Moscow: Vost. lit., 2007. 255 p. (In Russ.)